

Хуа Чжаошуй, услышав этот тон, почувствовал, как у него замерло сердце. Обычно, когда он так говорил, это означало: «Тебе нужно сделать одно дело», а будет ли оно хорошим или плохим, оставалось под вопросом.

Хуа Чжаошуй промолчал, его лицо выражало готовность к героической смерти. Шэн Цзяньвэй усмехнулся.

— Не так нервничай, это к добру.

Он отложил книгу и посмотрел на Хуа Чжаошуя.

— У меня есть дела, нужно уехать далеко, вероятно, на полмесяца.

Он остановился на этом, и Хуа Чжаошуй тут же обрадовался, подумав: «Отлично, полмесяца его не видеть, это же прекрасно!»

Радость отразилась на его лице.

— Господин, не волнуйтесь, я не буду лениться, пока вас не будет.

— Почему ты так радуешься? — Уголок губ Шэн Цзяньвэя поднялся, и он продолжил. — Я ещё не закончил — ты поедешь со мной.

Улыбка Хуа Чжаошуя застыла, и он с недоверием произнёс:

— Господин, зачем вы берёте меня? Я... ничего не умею, я буду только обузой.

Хуа Чжаошуй вдруг понял, почему господин сегодня был таким добрым — он приберёт для него большой сюрприз!

— Не будешь обузой, — Шэн Цзяньвэй улыбнулся загадочно. — Ведь в дороге время тянется долго, и господину нужно кого-то, чтобы развлечься.

— Собери вещи, мы отправляемся послезавтра, поедем в Цзяннань — рад?

Хуа Чжаошуй с кислым лицом ответил:

— Рад.

Шэн Цзяньвэй ущипнул его за щеку.

— Рад, значит, всё в порядке. Иди, помоги господину лечь спать.

Уложив господина, он сам не мог уснуть. Хуа Чжаошуй погладил свой живот и подумал: «Не зря говорят, что чужой хлеб делает тебя мягким. Господин кормит меня вкусной едой, но это не просто так!»

С приближением дня отъезда Хуа Чжаошуй всё больше нервничал, боясь, что если он плохо послужит, господин рассердится и бросит его где-нибудь на полпути. Горы высоки, дороги далеки, он не знает пути, и тогда он никогда не вернётся.

Хуа Чжаошуй так испугался, что рассказал о своих опасениях Хуа Юнь. Та посмеялась и сказала:

— Не волнуйся, господин тебя не бросит.

Хуа Чжаошуй не понял.

— Почему?

Хуа Юнь хихикнула, прикрыв лицо веером.

— Господин ещё не наигрался с тобой. Пока ты не дашь ему то, что он хочет, он точно вернёт тебя обратно.

Хуа Чжаошуй быстро понял, что она имела в виду, и вдруг почувствовал, что его будущее стало ещё мрачнее.

Хуа Юнь просто шутила, но шутка задела Хуа Чжаошуя, и он начал думать о всякой ерунде. В ночь перед отъездом он не смог уснуть, только под утро немного вздремнул, а потом его разбудили, и он, сонный, отправился в путь с господином.

Хуа Чжаошуй был одет в одежду слуги-пажа и ехал в одной повозке с господином. Он не только не мог служить, но и сам едва держался на ногах от усталости. Шэн Цзяньвэй, видя, что тот вот-вот упадёт, подхватил его и спросил:

— Почему ты такой сонный? Не спал всю ночь?

Хуа Чжаошуй, сонно посмотрев на него, зевнул.

— Господин, я впервые еду далеко, волнуюсь.

Господин был одет как настоящий благородный господин: белая яшмовая заколка стягивала чёрные волосы, взгляд и глаза сияли. Шэн Цзяньвэй снял форму Гвардии Юйлинь и надел роскошный халат учёного, выглядел очень соответственно.

Шэн Цзяньвэй закрыл веер и стукнул им Хуа Чжаошуя по голове.

— Бестолковый.

Сказав это, он постучал веером по своему бедру.

— Иди сюда, спи. Ты и так не умный, а если ещё упадёшь, станешь совсем дураком.

Хуа Чжаошуй был так сонен, что посмотрел на него и, увидев, что тот не шутит, действительно положил голову на колени господина, не забыв возразить:

— Раз я не умный, зачем вы заставляете меня притворяться слугой-пажом? Если раскроют, не вините меня.

Затем он получил лёгкий удар веером по лицу, инстинктивно отклонился и вскоре уснул.

Дорога была неровной, но Хуа Чжаошуй спал как убитый, даже во сне чувствуя тряску и хватая одежду господина. Когда он проснулся, то обнаружил, что не только лежал на коленях господина, но и обнял его за талию!

Хуа Чжаошуй испугался и уже собирался скатиться вниз, но обнаружил, что его талия зажата в руке господина, и с облегчением подумал: «Я не воспользовался им!»

Шэн Цзяньвэй приподнимал занавеску окна и смотрел наружу, чувствуя движение, он взглянул на него.

— Проснулся как раз вовремя, мы скоро сделаем остановку.

Хуа Чжаошуй промычал:

— Господин, уже время обеда?

Шэн Цзяньвэй опустил занавеску, повернулся к нему и ущипнул его за талию, заставив его резко дернуться, и усмехнулся:

— Человек выглядит так, будто в нём нет ни унции плоти, как это ты вечно только ешь да спишь?

Хуа Чжаошуй полез с его колен, морщась и потирая талию, с жалобой сказал:

— Господин, вы могли бы не так сильно давить? У вас слишком сильная рука, я чувствую, что половина талии теперь болит.

Шэн Цзяньвэй фыркнул.

— Неженка, по-моему, тебе самому нужно быть господином.

Хуа Чжаошуй надул губы и пробормотал:

— Да не судьба мне, видимо.

— Ты всё лучше умеешь огрызаться. — Шэн Цзяньвэй снова протянул руку и прижал его к себе. — Ты спал на мне всю дорогу, а проснулся и начал спорить. Похоже, ты действительно стал господином.

Хуа Чжаошуй струсил и заулыбался:

— Это потому, что господин добрый, я не смею спорить.

Ведь если он будет спорить, то останется без еды. Хуа Чжаошуй хорошо это понимал. Если у него отберут обед, то неизвестно, когда они снова увидят гостиницу, и тогда он действительно останется голодным.

Шэн Цзяньвэй сразу понял, о чём он думает, нарочно снова ущипнул его за талию, и, глядя, как тот от боли мечется, снова улыбнулся:

— Ты лучше веди себя хорошо, иначе господин будет есть, а ты будешь стоять и смотреть со стороны.

Хуа Чжаошуй продолжал заискивающе улыбаться, теперь боясь не только потерять обед, но и руку господина на своей талии. Он украдкой попытался отодвинуть его руку.

— Я слушаюсь господина во всём — отпустите меня сначала, слуга-паж не должен сидеть на коленях господина, иначе нас раскроют.

Шэн Цзяньвэй смотрел на него и не двигался.

Хуа Чжаошуй сразу сник.

— Господин, не щипите меня за талию, правда больно, я думаю, она уже посинела.

Ладонь Шэн Цзяньвэя была большой, он мог почти охватить половину его талии. В этот раз он с каким-то непонятным смыслом погладил его живот.

— Ты говорил, что тебя часто бьют. Почему ты так боишься боли? Значит, ты в день плачешь по много раз?

Хуа Чжаошуй было щекотно, он подался назад.

— Поэтому мой учитель говорил, что я самый удобный для наставлений: я боюсь ударов, поэтому стараюсь изо всех сил.

Сказав это, он вспомнил, что Шэн Цзяньвэй сказал, когда он упомянул, что боится остаться без еды, и быстро добавил:

— Господин, я послушный, даже если вы меня не бьёте, я всё равно буду послушным.

Шэн Цзяньвэй, видя его осторожность, улыбнулся.

— Как, ты боишься, что я тебя побью?

Хуа Чжаошуй уже собрался его похвалить, как вдруг услышал:

— Я людей не бью.

— Если рука не угодила, её отрубают. — Этот господин вдруг схватил его за запястье и прижал его собственную руку к его губам, добавил. — Если речь неприятна, человека делают немым.

Шэн Цзяньвэй держал его пальцы, его большой палец нажимал на указательный, прижимая губы Хуа Чжаошуя так, что они слегка побелели, затем отпустил и улыбнулся:

— Понял?

Хуа Чжаошуй сжался, опустил голову и не издал ни звука, только спустя долгое время сказал:

— Понял.

Улыбка Шэн Цзяньвэя исчезла, голос стал холодным.

— Понял — хорошо, не умничай передо мной.

Хуа Чжаошуй испугался его тона, поспешно кивнул и сидел на его коленях, одеревенев, как кукла.

Повозка в этот момент остановилась, снаружи кучер крикнул:

— Господин, остановиться здесь передохнуть? Поесть немного.

Хуа Чжаошуй посмотрел на него, увидел, как тот кивнул, и тут же спрыгнул с его колен, высунул голову из повозки и крикнул кучеру:

— Наш господин сказал, остановимся здесь.

Кучер откликнулся и остановил повозку у входа в гостиницу. Хуа Чжаошуй первым выпрыгнул и поспешил встретить господина, помогая ему сойти.

Из гостиницы сразу вышли люди и вместе с кучером развязали лошадей, увели их на задний двор кормить травой.

<http://bllate.org/book/16756/1562769>